

Михаил Макеев

Эмоции, деньги и литература в «Эпоху застоя»

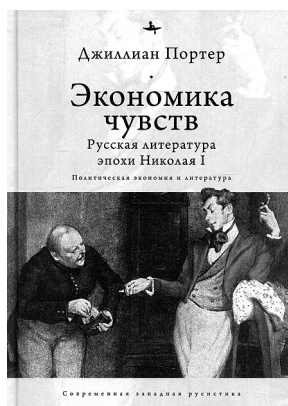
DOI: 10.53953/08696365_2023_183_5_366

Портер Дж. Экономика чувств: русская литература эпохи Николая I: (Политическая экономия и литература) /

Пер. с англ. О. Поборцевой.

СПб.: Academic Studies Press / Библиороссика, 2021. — 255 с. — 500 экз. —

(Современная западная русистика).

Книга профессора Университета Колорадо в Боулдере, вышедшая на английском в 2017 г.¹, принадлежит к числу сочинений, авторы которых стремятся быть на переднем крае современных гуманитарных исследований. Во введении названы два научных направления, синтезированные в работе, и оба они, несомненно, принадлежат к наиболее актуальным. Это новая экономическая критика, достаточно давно исследующая разнообразные взаимоотношения между экономикой и литературой², и история эмоций, представляющая область чувств как исторически эволюционирующую³. Такой синтез уже встречался в работах, относимых к той же новой экономической критике: сам автор ссылается, в частности, на влиятельную монографию Кэтрин

Галлахер «Телесная экономика (экономика тела)»⁴, в которой показано, как экономические условия определяют структуру эмоциональной жизни человека. Портер дополняет его исследованиями на стыке лингвистики и культурологии, посвященными «истории идей, понятий и слов» (с. 12), В.В. Виноградова, В.М. Живова и М. Козеллека, позволяющими описывать структуры эмоций через обозначающие их понятия.

Такие понятия и являются основным предметом наблюдения в рецензируемой работе. Литературный и прежде всего нарративный текст, как полагает Портер, вводя эти понятия в свою игру, обозначая с их помощью мотивы поступков героев и описывая психологию персонажей, отражает либо устойчивое состояние того комплекса, который обозначают понятия, либо трансформацию (в том числе труд-

1 Porter J. *Economies of Feeling: Russian Literature under Nicholas I*. Evanston, Ill: Northwestern University Press, 2017.

2 См.: *The New Economic Criticism* / Ed. by M. Woodmansee and M. Osteen. N.Y.: Routledge, 1999.

3 Содержательный концептуальный обзор таких концепций дан в: *Виницкий И.* Заговор чувств, или Русская история на эмоциональном повороте // *Новое литературное обозрение*. 2012. № 117. С. 441–460.

4 *Gallagher C.* *The Body Economic: Life, Death, and Sensation in Political Economy and the Victorian Novel*. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 2008. См. также: *Gagnier R.* *The Insatiability of Human Wants: Economics and Aesthetics in Market Society*. Chicago: University of Chicago Press, 2000.

ную), которую они претерпевают (не только изменение их содержания, но и изменение их ценности, престижа, «культурного значения»). Автора в первую очередь привлекает второе, именно этим вызван выбор хронологических рамок исследования: время правления Николая I. Эта эпоха, вместившая как минимум три разных периода в истории русской литературы и культуры (1830-е гг., «замечательное десятилетие» и «мрачное семилетие»), с точки зрения заявленного Портер подхода действительно может рассматриваться как целостное явление. Это эпоха экономического застоя (и в лучшем случае половинчатых реформ) и реакции, которая представляла собой попытку остановить деградацию феодально-сословного государственного строя и крепостнической экономики и одновременно затормозить уже подспудно развивающийся и объективно необходимый процесс общественно-экономической трансформации. В рамках подхода Портер можно описать николаевское время как эпоху борьбы правительства и значительной части общества не только против самого этого процесса, но и против тех эмоций, страстей, желаний, которые им вызваны.

То, что было несомненно вредным для российского общества и государства, топчущегося на месте, отстающего в конкуренции с динамически развивающимися экономиками (поражение России от европейских держав, которое она потерпела в Восточной войне, как хорошо известно, стало закономерным итогом николаевского правления), как показывает Портер, было продуктивным для русской литературы. Сама «нестабильность», внутренняя противоречивость, неясность «культурного статуса», присущая в такую эпоху многим эмоциональным понятиям, выражающим либо «опасные», нежелательные новые, либо деградирующие, уходящие в прошлое эмоциональные структуры, становится для русских писателей средством для создания нестандартных сюжетов, сложных психологических портретов, загадочных характеров и происшествий, давая возможность экспериментировать с рождающимся в это время реализмом, который сам многими воспринимался как «чуждое», подрывное направление в искусстве.

В центре *первой главы* (едва ли не самой удачной в книге) «эмоциональное понятие» «амбиция». Оно существовало в русской культуре, конечно, давно, ассоциируясь с сословной гордостью, чувством собственного достоинства, и вело к повышенной эмоциональной реакции в случае ее «ущемления». В Николаевскую эпоху, как показывает Портер, в Россию приходит благодаря каналам культурного трансфера, которые николаевский режим никогда не мог окончательно перекрыть, новое «западное» значение этого понятия, определяемое автором как «страсть, направленная к движению вверх по социальной или экономической лестнице». Однако если в уверенно движущейся к капиталистическому строю Франции (откуда эта новая амбиция происходит, как считает автор) такое значение к этому времени «нормализовалось», из обозначения порока или душевной болезни трансформировалось в скорее положительное свойство, заслуживающее уважения, то в сопротивляющейся буржуазным (в том числе идеологическим) влияниям Запада феодально-крепостнической России и эта новая амбиция воспринимается далеко не однозначно. Три выбранных Портер текста показывают три отношения к новой эмоции, порождающие разные нарративы, каждый из которых отклоняется от реализма. Рассказ Булгарина «Три листка из дома сумасшедших» представляет здесь то, что автор обозначает как проправительственную точку зрения на амбицию как на патологию, опасную и для самого подверженного ей человека, и для государства, которую, однако, нельзя полностью игнорировать. Инструментом, дающим амбиции место в современной жизни, легитимирующим стремление «движения вверх» и одновременно вводящим его в допустимые рамки, лишая его характера угрожающего самой этой иерархии «эксперса», является Табель о рангах. Однако,

как стремится показать Портер, и лоялистский дискурс не может не отразить кроющуюся в системе противоречие — Табель о рангах, притворяясь универсальным регламентом, вводящим одинаковые для всех правила размеренного продвижения по службе, не мешает тому, что какие-то карьеры делаются стремительно.

Это противоречие, остающееся скрытым у Булгарина, в «Записках сумасшедшего» выступает как источник центрального конфликта. В гоголевской повести Портер видит амбивалентное представление амбиции, которая «предстает ни полностью нормальной, ни очевидно патологической» (с. 68). Эта амбивалентность является следствием несовместимости российского и европейского дискурсов об амбиции, одновременно представленных в булгаринской «Северной пчеле», из которой Поприщин вычитывает новости об испанских (европейских) событиях, «немыслимые» с точки зрения российского порядка престолонаследования («донна» становится королевой) и тем не менее реальные, действительно происходящие в Испании. Эта несовместимость производит разрушительное воздействие на психику мелкого чиновника именно потому, что в его собственном сознании существует конфликт между противоположными отношениями к амбиции: он и обуреваем амбициями, и в то же время осуждает их в других, и верит в незыблемость государственной системы, и ощущает ее «призрачность». Сошедший с ума Поприщин в финале оказывается между Россией и Европой, в «невозможном месте», символизируемом сумасшедшим домом.

Если у Гоголя конфликт между легитимной на Западе и табуированной в России амбицией ведет к сумасшествию, то в «Двойнике» Достоевского отрицание своих амбиций, сокрытие их от себя за маской борьбы за собственное достоинство (как бы попытка подмены) порождает двойника главного героя — «менее стыдливое и более успешное в своей амбиции alter ego Голядкина» (с. 81).

Если в первой главе рассматривается понятие «импортированное», заимствованное, то во *второй* в центре внимания находится позиционировавшееся как исконно русское, национальное, противопоставляемое западному приобретательству понятие «гостеприимство» (и связанные с ним «щедрость», «хлебосольство», «бескорыстие» и пр.).

Портер исходит из того, что это гостеприимство на самом деле представляет собой «результат соприкосновения отечественных и иностранных форм щедрости, власти и коммерции» (с. 102). Проявляющаяся в «гостеприимстве» российского помещика «русская натура» есть следствие, с одной стороны, зависимости от даров высшей власти, наделяющей его сословие разнообразными благами, главные из которых — земля и крепостные крестьяне, с другой — паразитирования на бесплатном крепостном труде. Дворяне, говоря попросту, дарят то, что им самим досталось даром. В Николаевскую эпоху эта система вступила в период экономического и морального загнивания и вместе с тем понятие «гостеприимство» и связанный с ним эмоциональный комплекс начинали восприниматься как что-то безвозвратно утрачиваемое «русским человеком». Одновременно под нажимом новых отношений начала обнажаться фальшивая природа такого гостеприимства. И в этом случае нарративные тексты оказываются лучшими выразителями подобных процессов. В произведениях Гоголя, главного «героя» второй главы, гостеприимство обнаруживает свою связь с «ужасным» («Вечера на хуторе близ Диканьки»), «работоплепством» («Старосветские помещики») и «отвратительным» («Мертвые души»).

Четвертая глава посвящена «скупости» как понятию абсолютному, вневременному, воплотившемуся в столь же «общечеловеческом» литературном архетипе Скупого, описываемого Портер как едва ли не наиболее устойчивый в европейской литературе. И этот тип, точнее, связанный с ним эмоциональный комплекс начинает разрушаться в капиталистическую эпоху, в которой скупость теряет экономи-

ческий смысл, начинает противоречить интересам самого скупца. Гибель этого самого устойчивого типа, по мнению Портер, фактически означает окончательное крушение «системы типов» как таковой, уступающей место сложному реалистическому изображению человека. В русской литературе этот процесс представлен тремя текстами, написанными в разные периоды Николаевской эпохи. В пушкинском «Скупом рыцаре» Портер видит литературную игру с типом, который утрачивает аллегоричность, ясно понимаемое значение, но не приобретает нового, обнаруживая пустоту, зияние, не наполненное смыслом. Гоголевский Плюшкин воплощает не желание иметь конкретный предмет или деньги, но страсть к накоплению в чистом виде, страсть, не способную сориентироваться в мире новых материальных ценностей: Плюшкин копит не то, что имеет смысл накапливать, что имеет способность к сохранению и даже увеличению своей стоимости (то есть деньги), а вещи, теряющие со временем ценность. Наконец, в рассказе Достоевского «Господин Прохарчин» попытки отнести главного героя к типу скупца наталкиваются на как будто специально противоречащие таким попыткам детали: традиционное для сюжетов о скупцах разоблачение их тайны здесь травестируется — деньги находятся не в сундуке, а в тюфяке (и непонятно, как туда попали), среди них находятся и монеты, сохранившие ценность, и давно превратившиеся в бесполезную вещь и потому ставящие под вопрос смысл «собираательства», которому предавался Прохарчин. Сам принцип типизации, желание уложить человека в прокрустово ложе клише, увидеть его как воплощение устойчивого типа уподобляется насмешке и даже прямому насилию над ним.

Пропущенная в нашем изложении *третья глава* в книге Портер стоит особняком. Мы не увидели здесь ни истории эмоций, ни истории понятий. Она возвращает читателя к «Двойнику» Достоевского и развивает типичные для новой экономической критики мотивы: влияние процессов, связанных с деньгами (инфляции, фальшивомонетничества, обмена денежных знаков, финансовых кризисов и т.д.), на восприятие реальности, на писательское воображение (лучшие образцы анализа таких взаимодействий дают работы Марка Шелла и Жана-Жозефа Гус⁵). Утрата (вызванная инфляцией и изобилием подделок) деньгами твердой, привычной покупательной способности в конечном счете подрывает уверенность в устойчивости связи между означающим и означаемым, лежащую, как полагает Портер, в основе реализма, и (как и «амбиция» в первой главе) легитимирует появление «нереалистического» двойника Голядкина, воплощающего размытость границы между подлинником и фальшивкой, реальным предметом и его «подобием».

Скажем в заключение, что судить о степени научной новизны работы Портер довольно трудно. Мы не решимся утверждать, что в море литературоведческих книг и статей, написанных обо всех упомянутых произведениях (за исключением разве что рассказа Булгарина), интерпретации которых предложены в книге Портер, не найдется наблюдений, подобных тем, что сделаны американским профессором. Главная мысль второй главы выглядит до боли знакомой, хотя и высказанной другими словами, — представления о Гоголе как о разоблачителе паразитизма помещиков и обличителе крепостнических порядков пользуются авторитетом со времен статей Белинского. Тем не менее ни в коем случае нельзя говорить о том, что книга Портер не имеет никакого значения и не представляет интереса. В ней и подобной ей работах ценность имеет новый взгляд на объект, выстроенная ори-

5 *Shell M. Money, Language, and Thought: Literary and Philosophic Economies from the Medieval to the Modern Era.* Baltimore, Maryland: Johns Hopkins University Press, 1993; *Goux J.-J. Symbolic Economies: After Marx and Freud.* Ithaca, NY: Cornell University Press, 1990.

гинальная исследовательская оптика, освежающая наше восприятие классической русской литературы. Кроме того, книга написана квалифицированным ученым, отлично ориентирующимся в современной гуманитарной науке, и одновременно вдумчивым и наблюдательным читателем, умеющим находить разумное соотношение между авангардными концепциями и вечными задачами науки о литературе. Все это позволяет нам рекомендовать «Экономику чувств» вниманию не только простого интеллигентного читателя, ищущего нового взгляда, нового прочтения приевшейся классики, но и узким специалистам по Гоголю и Достоевскому.